

История философии.

25. Фома Аквинский о Боге.

Автор: доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Сегодня днем мы хотим уделить внимание тому, что Фома Аквинский говорит о Боге, о нашем знании о Боге и о природе Бога. Я нарисовал на доске общий план, которому хотел бы следовать, начиная с обсуждения существования Бога. Теперь вспомните ход мыслей, который мы пытались развить.

А именно, что в ответ на аверроистскую интерпретацию Аристотеля, несовместимую ни с мусульманской, ни с христианской теологией, Фома Аквинский попытался модифицировать позицию Аристотеля, чтобы удовлетворить потребности христианской теологии. Мы видели, как он это сделал в связи со своей метафизикой. Затем мы отметили, что «Сумма теологии», этот главный труд, написанный с этой целью, рассматривает взаимосвязь веры и разума, разума и откровения, чтобы занять позицию, которая отвергает концепцию двойной истины аверроистов и видит взаимодополняющий характер разума и откровения.

От этого он сразу переходит к рассуждениям о существовании и природе Бога, так что внесенные им метафизические изменения немедленно начинают приносить плоды, если помнить об активной взаимосвязи разума и откровения. Иными словами, для Фомы Аквинского, когда он пытается доказать существование Бога, это рациональное начинание. Но вывод, к которому он хочет прийти, совместим с Богом иудео-христианского откровения.

На самом деле, он начинает с вопроса, и в этих трёх статьях в сборнике он задаёт вопрос: является ли существование Бога самоочевидным? Это звучит как довольно безобидный вопрос, пока вы не поймёте, что возражения, которые он рассматривает в самом начале этой статьи, — это возражения против позиции Фомы Аквинского, возражения, выдвинутые такими людьми, как неоплатонисты, Ансельм и Августин, то есть платоновской традицией. Платоновская традиция, которая в целом склонялась к мнению, что существование Бога либо самоочевидно, либо может быть доказано как логически необходимое утверждение, — это то, что породило онтологический аргумент Ансельма. Так что, если вы посмотрите на страницу 524, вы быстро поймёте, что он делает.

Возражение 1 утверждает, что существование Бога самоочевидно, поскольку, как говорит Иоанн Дамаскин, знание о Боге заложено во всех от природы. Является ли это самоочевидным из-за врожденной идеи? Очевидно, что врожденные идеи — это платоновское учение. И он ответит, что нет, идея не является врожденной в нас, за исключением очень расплывчатого и общего

аспекта: естественным образом возникает некоторое осознание высшего существа, но не какая-либо ясная, врожденная идея Бога.

Возражение 2: утверждается, что самоочевидны вещи, которые становятся известны, как только становятся известны сами термины, и как только понимается значение имени Бог, становится очевидно, что Бог существует. Это Ансельм, поскольку существование является самой природой Бога. А в возражении 3: существование истины самоочевидно, и Бог есть сама истина, Бог существует. И это аргумент Августина, помните, который рассуждал от Истин к Истине с большой буквы, в которой участвуют все Истины, к Божественному Логосу, который, следовательно, существует.

Теперь у вас есть три попытки утверждать, что существование Бога можно познать априори. Априори. То есть, независимо от каких-либо эмпирических доказательств.

Независимо от каких-либо апелляций к опыту. Априорные аргументы в пользу существования Бога, такие как онтологический аргумент. И все то, что Фома Аквинский отвергает.

Будучи аристотелевцем, он слишком склонен к эмпиризму, чтобы использовать рационалистический априорный аргумент, как это делали платоники. Поэтому здесь он согласуется с аристотелевской традицией, на которую собирается опираться. Это очень быстро становится очевидным, если вы посмотрите его статью «Я отвечаю на этот вопрос» .

Именно так следует читать Фому Аквинского: всегда читайте «Я отвечаю на это». И вы увидите, как он это формулирует. Вещь может быть самоочевидной двумя способами.

С одной стороны, это самоочевидно, но не для нас. А с другой — самоочевидно для нас. И в конце своего ответа он продолжает утверждать, что само утверждение «Бог существует», вернее, «Бог существует», самоочевидно, потому что Бог есть своё собственное существование, как будет показано далее.

Существование необходимо Богу. Но это справедливо лишь до тех пор, пока мы знаем это о Боге. Поэтому для нас это не является самоочевидным.

Тот факт, что Бог — необходимое существо, которое существует по необходимости, означает, что это само собой разумеется, если вы знаете это о Боге. Но если вы этого не знаете, то это не является самоочевидным для нас. Поэтому он отвергает любые априорные аргументы.

Возможно, у вас было такое же ощущение по поводу онтологического аргумента Ансельма. У меня есть идея о совершенном существе, и что никакого подобного существа, никакого большего, не может существовать. Что ж, это хорошо, если у вас есть такая идея.

А что, если нет? Вы увидите. И он говорит, что у нас нет представления о таком. Существование — это необходимый гарант, необходимая часть идеи.

Таким образом, он отходит от этого, что, по сути, является принятием скорее аристотелевского, чем платоновского подхода, и переходит к следствию. Если мы не познаём Бога на основе какого-либо априорного понятия, то другая альтернатива заключается в том, что знание о Боге является апостериорным, то есть в некотором смысле зависит от опыта.

И наш опыт, по-видимому, является опытом Божьего творения. Поэтому вопрос заключается в том, можно ли познать существование Бога из Его следствий. Аргумент от следствия к причине.

И на это он, конечно же, отвечает утвердительно. Поэтому мы можем предположить, что его аргументы в пользу существования Бога будут представлять собой причинно-следственные связи с предпосылками, основанными на человеческом опыте. Понятно? С предпосылками, основанными на человеческом опыте.

В этом смысле его путь становится довольно ясным. А затем в третьей статье он сразу переходит к своим доказательствам существования Бога. Знаменитые пять доказательств Фомы Аквинского.

Теперь я склонен думать, что когда эти доказательства рассматриваются вне контекста «Суммы теологии» и вне исторического контекста попыток адаптировать аристотелевскую традицию для христианских целей, вне этих контекстов, эти доказательства очень часто понимаются неправильно. По-видимому, предполагается, что они должны быть нейтральными, так что любой должен согласиться с тем, что они доказывают существование Бога. Но на самом деле это не так.

Потому что, если вы посмотрите на предпосылки пяти доказательств, вы увидите, что это не философски нейтральные предпосылки. Это предпосылки Аристотеля. Ведь, хотя они и основаны на опыте, они представляют собой знание принципов, абстрагированных от опыта.

Помните знание Аристотеля? Путем абстрагирования сущности от вида. Понимаете? Так что, если хотите, все начинается с аристотелевских понятий, почерпнутых из опыта аристотелевскими методами. В первом доказательстве

на странице 527, под ответом «Я ответил, что для пяти способов» первый — это аргумент от движения, или изменения.

И, прочитав примерно восемь строк, в верхней части второй колонки, вы заметите, что он определяет движение, или изменение, как не что иное, как сведение некоторой потенциальности к актуальности. Старый добрый Аристотель. Потенциальность и актуальность.

Все изменения — это движение от потенциальности к действительности. А второй путь, внизу этой колонки, исходит из природы действенной причины. Потому что в мире чувственно воспринимаемых вещей существует порядок действенных причин.

Это аристотелевская концепция. А третий путь, на странице 528, исходит из возможности и необходимости. Это тоже аристотелевское различие.

Случайность и необходимость. И четвёртый путь, с точки зрения градации вещей, более или менее хороших, более или менее истинных, более или менее благородных — это иерархия бытия и добра, которая является, среди прочего, составной частью аристотелевского образа мышления. И пятый путь, с точки зрения управления миром: всё, даже если ему не хватает знания, как, например, природным телам, всё в природе, действует ради цели.

Причинно-следственных связей. Это аристотелевский подход. И вот он, видите ли, пытается модифицировать аристотелевскую метафизику, чтобы она служила христианским целям.

И он подхватывает аристотелевские предпосылки. Но какой бог может существовать, исходя из аристотелевских предпосылок? Это не аристотелевский бог. Он гораздо ближе к христианскому богу. Это явно теистическое существо, а не неподвижный двигатель, просто мыслящий самостоятельно.

Посмотрите на выводы пяти доказательств. И вы увидите, что он делает. Первое доказательство, касающееся 527, приводит к выводу, что существует Перводвигатель, движимый только Им, и все понимают, что это Бог.

Вы говорите, что это аристотелевский язык. Да. Первопроходец.

Первопричина. Но обратите внимание на разницу. Первопричина по Аристотелю — лишь конечная причина.

Этот первопричина — это реальность, и он говорит, что последовательность первопричин не может продолжаться до бесконечности, потому что тогда не было бы ни первой первопричины, ни других первопричин, поскольку

последующие первопричины движутся лишь постольку, поскольку их двигает первая первопричина, как и посох движется только потому, что его двигает рука. Хорошо, тогда кто-то должен двигать посох. Должна быть рука, которая будет двигать посох.

В самом начале сериала это звучит как действенная причина, а не конечная причина. А во втором случае речь явно идёт о действенной причине. Второе доказательство заканчивается тем, что необходимо признать первую действенную причину, которой все дают имя Бога .

Итак, у Фомы, в самом начале лета, сразу появляется бог, являющийся действенной причиной. Теистический бог, а не аристотелевский. И мы переходим к третьему пути, где бог — необходимое существо.

Четвёртый путь приводит к выводу, что должно существовать нечто, что является для всех существ причиной их бытия, доброты и всякого другого совершенства. Бог есть добро. Это платоновское представление, но здесь оно изложено на аристотелевских предпосылках.

Вы увидите. И пятый путь, исходящий из управления Вселенной, приводит к выводу о существовании некоего разумного существа, посредством которого все природные явления направляются к своей цели, и это существо мы называем Богом . Разумное существо, которое не просто мыслит самостоятельно , но знает, что происходит в мире, и направляет его к достижению целей.

Вы увидите. Всезнающий бог, не просто бог Аристотеля. Всезнающий создатель.

Что ж, вот это замечательная трансформация, вы увидите. На основе аристотелевских предпосылок, чтобы привести аргументы в пользу неаристотелевского бога. Но он это делает.

Вот увидите. Аргументы в пользу неаристотелевского бога, основанные на аристотелевской предпосылке. Понятно? И эти пять доказательств обсуждаются с тех пор, и я предполагаю, что вы столкнулись с ними на вводном курсе философии, который вы проходили.

Вот увидите. Всё как обычно. Ну, а вот то, что он имеет в виду высшее благо, становится ясно из его ответа на первое возражение.

Возможно, вам стоит взглянуть на это. 528. Поскольку Бог является высшим благом, говорит Августин, он не допустил бы существования зла в своих творениях, если бы его всемогущество и доброта не были таковы, что могли бы извлечь добро даже из зла.

А Фома Аквинский добавляет, что это часть бесконечной благодати Бога, что Он позволяет злу существовать и из него производит добро. Видите ли, аргумент о большем благе в отношении зла. Существование ради большего блага.

Мы вернемся к этому позже . Есть какие-нибудь вопросы или комментарии? Да. Райан.

Он отметил, что большинство людей считают это горизонтальным движением. Да. Но он сказал, что нет, это скорее вертикальное движение.

Я не совсем понял. Да. Вопрос в том, следует ли в этой серии перемещений, идущих назад, говорить о первом двигателе, имея в виду именно тот, который запустил всю эту серию и всю теорию домино, понимаете?

Является ли он первым в этом смысле. Или же он говорит о метадвигателе . Кажется, этот вариант уже неактуален.

Давайте попробуем другой вариант. Или, может быть, он говорит о некоем метадвигателе , который участвует в поддержании движения, в реализации потенциала всего сериала? Причина, по которой я предполагаю, что это последнее, как мне кажется, двояка.

Второе доказательство говорит о порядке эффективных причин. Не о том, что является причиной самой конечной причины, которую мы можем себе представить, а о том, что является причиной всего причинного порядка. Понимаете? Существует метапричина для причинного порядка.

И я думаю, что в «Сумме против язычников» это становится еще более очевидным. Так что да, на это стоит обратить внимание. Видите ли, деист был бы доволен, если бы Бог был на первом месте, тем, кто запускает процесс, и этот процесс продолжается.

Это запускает эффект домино, и он продолжает опрокидывать домино. Но Фома Аквинский этим не удовлетворён. Другой способ увидеть, что он этим не удовлетворён, — это то, что он говорит нам, и мы уже говорили об этом в его метафизике, что Бог есть сама сущность существования.

Как говорит Гилсон, Бог — это не просто существующая сущность. Он — сама сущность существования. Видите ли, в Его природе — существовать.

И Гилсон возвращается к утверждению из книги Исход 3:14, когда Бог говорит Моисею из горящего куста: «Я есмь тот, кто Я есмь». Что это за имя? «Я есмь тот, кто Я есмь». Было отмечено, что еврейское имя Яхве, Ях, — это глагол «быть».

Я есмь то, что Я есмь. Видите ли, Гилсон понимает это как необходимое существование. Саму сущность существования.

Что ж, сам Фома, независимо от того, как это формулирует Гилсон, совершенно ясно говорит, что сущностная характеристика Бога — это Его существование. Да, безусловно. Но именно в этом существовании Он постоянно наделяет существованием всё сотворённое, существование которого зависит от Него.

Мы зависим от Бога не только в начале нашего бытия, но и в его дальнейшем существовании. Понимаете ? Бог, поддерживающий существование, не просто его начинает. Поэтому, если вы возьмете эту непрерывную зависимость от Бога, Если вы воспринимаете это всерьез, то, я думаю, совершенно очевидно, что он, по крайней мере, должен был бы привести аргументы в первом, втором и третьем доказательствах.

Не для Бога, который является номером один в начале сериала, а для Бога, который является мета-причиной всего сериала. Это понятно? Я вижу смутные намёки. Не уверен, имеете ли вы это в виду или нет.

Да? Хорошо. Хорошо. Что-нибудь ещё? Это относится ко второй статье, ко второй статье.

Да. Хорошо. Да, это зависит от того, что вы подразумеваете под "действительно знать".

Вы связываете это с ответом на третье возражение, в котором он говорит, что из следствий, не соразмерных причине, невозможно получить совершенное знание о причине. И да, безусловно, Бога следует понимать не просто как достаточного для возникновения этих следствий, но как гораздо, гораздо более чем достаточного. Таким образом, в этом смысле он несоразмерен следствиям.

Однако из каждого следствия можно доказать существование причины, так что мы можем доказать существование Бога, хотя из этого мы не можем в совершенстве познать Бога таким, какой Он есть в своей сущности. Теперь, кажется, последнее предложение говорит о том, что мы можем познать Его существование, хорошо, но это не дает нам совершенного знания о Его сущности или природе. Хорошо, вот где кроются ограничения.

В то же время, вполне обоснованным является вопрос о том, являются ли доказательства, основанные на следствиях Бога, такими, что знание о Его существовании логически достоверно, вне всякого сомнения. Являются ли эти доказательства неопровержимыми в этом смысле? И я думаю, если я правильно интерпретирую Фому Аквинского, как я это делал в отношении его

модификации аристотелевской точки зрения и так далее, и что это аристотелевские послылки, я считаю это трудно отрицать, то, я думаю, Аквинскому пришлось бы сказать, что эти доказательства зависят от системы . Да, сэр? Другими словами, вам нужно обратиться к Аристотелю, к аристотелевской философии.

Да, да. Знаете, если вы убеждены в истинности предпосылок, в реальности происходящего, то выводы последуют, если аргументы обоснованы . Это верно для любого аргумента, не так ли? Необходимо иметь истинные предпосылки и обоснованный аргумент, понимаете.

Но суть в том, что истинность посылок зависит от системы. Теперь, очевидно, Аристотель считал (точнее, Фома Аквинский считал, что Аристотель предпочтительнее платоновской метафизики). Следовательно, он считал, что концепции Аристотеля здесь истинны.

Но с какой степенью логической уверенности он бы так считал? Видите ли, здесь не так ясно. Я склонен думать, что стремление к абсолютно неоспоримой достоверности — это скорее продукт эпистемологии XVII и XVIII веков, чем результат развития греческой мысли, хотя у них и очень высокая степень уверенности, начиная с Платона.

И причина, по которой я это говорю, станет известна через две-три недели. Произошло... Ну, позвольте мне предвосхитить это так. С крахом авторитета Церкви в конце Средневековья, авторитета Римской Церкви в вопросах, где Писание не дает четких указаний, возник эпистемологический вакуум.

С развитием протестантской Реформации, с акцентом на священство верующих и, следовательно, на способность отдельного человека самостоятельно читать и толковать Священное Писание, возник страх перед анархией и сектантством в религиозных вопросах. И вот, в этом эпистемологическом вакууме, одним из ведущих голосов стал голос греческого и римского скептицизма. Помните труды Секста Эмпирика ? Они были заново открыты.

Таким образом, скептицизм вновь стал жизнеспособной силой в XVI веке. И именно в ответ на это стремление к определенности стало одним из неотложных приоритетов. Именно об этом говорил Декарт, когда начинал свою работу: «Я сомневаюсь, следовательно, я существую».

Он хотел найти аргумент, основанный на скептицизме. Именно об этом шла речь в дебатах между Лютером и Эразмом. Эразм хотел просто подчиниться учению Церкви по некоторым вопросам.

Но Лютер — нет. Видите ли, Лютер — нет. Поэтому весь вопрос о том, что делать в условиях отсутствия авторитета, словно подтолкнул эпоху Просвещения к поиску логической достоверности.

В итоге, в эпоху Просвещения люди стали обращаться к современной науке как к авторитету, а не к чему-либо другому. Я думаю, что в Средневековье стремление к знаниям было мотивировано иначе, и поэтому уровень ожиданий, уровень требований не был таким же. Хорошо, давайте пойдем дальше, чем просто обсуждаем существование Бога, и поговорим о природе Бога.

И по первой из перечисленных тем мы уже сделали первый шаг. В аристотелевской традиции, как и у Фомы Аквинского, наше знание о природе природных объектов основано на опыте, полученном путем абстрагирования сущности, природы, формы из нашего опыта работы со всем спектром представителей любого данного класса. Знание путем абстракции.

Но когда дело доходит до разговоров о Боге и нашем познании Бога, возникает проблема. Потому что нет таких видов богов, с которыми мы могли бы получить опыт, из которого можно было бы абстрагироваться от сущности Бога. Поэтому знание, полученное путем абстрагирования от опыта, не работает в отношении нашего знания о Боге.

Понимаешь, Рэнди? Вроде бы да. Хочешь, я повторю? Хорошо, позволь мне повторить на всякий случай, если ты пропустил, потому что это важно. В вопросах науки и нашего знания о природе мы можем познать сущность вещей, формы, универсальные принципы, абстрагируя их от нашего опыта изучения видов, родов и так далее.

Это хорошо, когда есть виды и роды, но в случае с Богом их нет. Видите ли, Он всего один. Бог, как мы говорим, *sui generis*, то есть у Него есть свой собственный род, свой собственный род.

Единственный представитель рода богов — это Бог. Следовательно, у нас нет опыта общения со целым классом богов, из которого можно было бы вывести природу Бога. Как же тогда мы можем что-либо узнать о природе Бога? И, по сути, ответ кроется не в абстракции, а в аналогии.

Не посредством абстракции, а по аналогии. И, эмм, эта аналогия, конечно же, зависит от всей иерархии существ, которая находится в согласии со всей иерархией добра и всей иерархией истины или умопостигаемой формы, понимаете. Эмм, он говорит о двух видах аналогии: аналогии степеней, где Бог, конечно же, является всецело добрым, бесконечным в совершенстве, то есть, в наивысшей мыслимой степени, аналогии степеней, и, кроме того, аналогии

надлежащей пропорциональности, где степень бытия пропорциональна степени добра, и наоборот.

Итак, если Бог — необходимое существо на вершине этой иерархии, Бог — это совершенная доброта, Бог — это совершенная истина; видите ли, всё в пропорции. Так что люди находятся здесь, внизу, с определённой степенью доброты и определённой степенью постижимого порядка в своём существовании, а, э-э, калифорнийские оползни находятся где-то здесь, видите ли, с относительно низкой степенью добра или постижимого порядка по сравнению с калифорнийскими оползнями, и так далее. Таким образом, мы знаем Бога, и мы можем говорить о Боге посредством аналогии; наш язык — это язык аналогии.

В тексте, который вы сейчас читаете о принципах природы, в конце он выделяет три вида предикации, что, опять же, заимствовано у Аристотеля. Существует однозначная предикация, когда слово используется в одном и том же значении. Существует двусмысленная предикация, когда оно используется в совершенно другом значении.

Существует также аналоговое предикирование, имеющее схожий смысл. Таким образом, Томас уточняет понятие аналогового предикирования. Однако это уточнение явно зависит от понятия бытия, а бытие, хм, не так уж и просто.

Когда, например, один из персонажей Шекспира говорит: «Быть или не быть, вот в чём вопрос», с точки зрения Фомы Аквинского это неправильно. Бытие — гораздо более сложная вещь, чем просто существование или несуществование. У бытия есть своя собственная, определённая природа.

Иными словами, существуют определённые трансцендентные атрибуты всего сущего. Или, если хотите, всех существ. Атрибуты, которые превосходят различия между видами, родами и более крупными классами и применимы к каждому существу.

Понимаете, каждое существо. Быть или не быть, существовать или не существовать — это своего рода понятие упрощенного существования, лишённого трансцендентных атрибутов бытия.

Пустота бытия. Пустое эхо нашего собственного, если использовать строку Теннисона. Понимаете?

О, это можно понять из концепции материи, и, кажется, это обсуждалось в одной из дискуссий на конференции. Я забыл, в какой именно. Там, по мнению Фомы Аквинского, материя — это чистая потенциальность.

Но говорить о чистой потенциальности — значит говорить: «О, она изначально, даже сама материя, полна возможностей для добра». Понимаете? В то время как в механистической науке XVIII века понятие материи означало нечто, лишенное всех, э-э, вторичных качеств: цвета, запаха, тактильных ощущений.

Понимаете? Мертвая, инертная, безличная, безжизненная. Поэтому Теннисон никогда бы не смог написать в «Memoir» об этой пустыне, если бы он руководствовался архиепископским пониманием бытия.

Для Фомы Аквинского это не пустыня. Так было в механистической науке. Но не в аристотелевской науке, обращенной, так сказать, Фомой Аквинским в христианство.

Итак, всякий раз, когда мы думаем о бытии, понятие бытия включает в себя понятия добра, истины и красоты. Трансцендентные атрибуты. Понимаете?

Теперь, поскольку это трансцендентные атрибуты, мы знаем их здесь, на шкале, и здесь, и здесь, и здесь, в различной степени. И путем экстраполяции мы, э-э, легко, э-э, говорим о, э-э, Боге по аналогии со степенями. Понимаете?

Или, с большей логической точностью, с применением принципа соразмерности. Таким образом, мы имеем знание о Боге, основанное на аналогии. Теперь два примера, которые я хочу рассмотреть, связаны с истиной и добром.

Истина и добро. И я обращаю внимание на эти два аспекта, потому что эти материалы, по крайней мере некоторые из них, доступны нам в антологии. И мы можем, так сказать, довольно хорошо это увидеть .

На странице 529 задается загадочный вопрос: находится ли истина только в интеллекте? И с нашей точки зрения, это загадочный вопрос, потому что, если бы мы сегодня обсуждали вопрос о том, что такое истина, мы, скорее всего, пришли бы к выводу, что истина — это свойство предложений. Свойство предложений, соответствующее некоторому внementsальному состоянию дел .

И поскольку утверждения мыслятся, и утверждения истинны, то истина находится в интеллекте, в мышлении. В правильном мышлении. В размышлении о правильных утверждениях.

Мы бы сказали, что истина находится в интеллекте . Другими словами, истина — это эпистемологическая категория. Но, как вы видите в той статье, Фома Аквинский отвечает на этот вопрос не так.

Истина не заключена только в интеллекте. Другой вопрос — заключена ли истина в самой вещи, в её бытии.

Таким образом, мы получаем различие, как вы заметили, между эпистемической и онтологической истиной. Онтологическая истина. Истинность утверждения или истина бытия.

Что вы имеете в виду под «истиной о существе»? Ну, я думаю, в английской терминологии можно различать истину о философах и истинных философов. Кто такой истинный философ? Тот, кто верен своему типу. Верен своему типу? Ну, это звучит как архетип.

Хех. Всё верно. Настоящий философ — это тот, кто верен самой сути философского бытия.

Видите ? Да, разве в Символе веры не говорится, что Иисус Христос — истинный Бог и истинный человек? Что вы имеете в виду под «истинным человеком»? Истинным человеком? Человек — это просто утверждение? Нет. Истинный человек — это человек, который соответствует самой сути человеческого бытия. Он поистине человек.

Вполне соответствует типу. Онтологическая истина. Таким образом, у вас есть два понимания истины, в одном из которых речь идет просто о предложении, о пропозициональной истине.

Видите ли, когда мы говорим в богословском контексте о пропозициональном откровении, мы говорим об откровении, которое может быть выражено в терминах пропозиций. Его можно осмыслить, понять. Пропозиции, которые могут быть либо истинными, либо ложными.

Понимаете ? Или же, следовательно, либо истина эпистемологического рода, истина утверждений, либо онтологическая истина, истинные существа. Вполне в духе. Да.

И, видите ли, так обстоит дело и с этим вопросом истины. Верно ли это? Ну, архетипы существуют в разуме Бога. Архетипы, которые предоставляют те образцы, в соответствии с которыми Бог творит.

Видите ? Эта архетипическая истина. Иными словами, Бог, постигнутый как истина, есть Логос. Да.

Логос. Он переносит концепцию Логоса Августина в аристотелевскую философию. Это Бог-Логос.

В Нем сокрыты все сокровища мудрости и знания. Помните фразу из Послания к Колоссянам? Видите ? В этом смысле вся истина имеет свой источник в Боге. Потому что всякая пропозициональная истина — это истина либо о Боге, либо о каком-либо аспекте Божьего творения.

Понимаете ? Таким образом, отправной точкой при обсуждении чего-либо в природе являются архетипы Бога. Когда вы говорите, что это правда, вы фактически утверждаете, что Бог знает, что это правда. Это и есть точка отсчета.

Разговор об истине. И Бог, как истинное существо, является самой сутью бытия. Обладая трансцендентными атрибутами бытия, достигшими совершенства.

То, чего нельзя представить себе больше. Это онтологическая истина. Это, очевидно, в традиции Августина и Отцов Церкви означает, что источником истины, как мы её знаем, будь то онтологическая истина здесь, внизу, или пропозициональная истина, является Бог.

Бог — источник всей истины. Бог — эталон истины. В этом смысле вся истина — это истина Божья, независимо от того, где она найдена и истинна ли она.

Понимаете ? Истина в виде утверждений. Онтологическая истина. И всё это благодаря Богу, Творцу.

Итак, это и есть тема, которая проходит красной нитью через первую статью. Его определение истины, пропозициональной истины, заключается в том, что истина — это отождествление мысли и вещи. Это своего рода определение соответствия.

Истина — это отождествление мысли и вещи. Когда утверждение соответствует тому, как вещь существует, вы получаете истинное утверждение. Однако он задаётся вопросом, что первично: онтологическая истина или эпистемологическая истина.

И его ответ таков: истина прежде всего находится в интеллекте, а следовательно, и в бытии. Иными словами, истина прежде всего находится в разуме Бога, в этих архетипах, а затем в сотворенных существах, которые истинны то, истинны это, истинны другое. Поэтому внимательно изучите эту статью.

Это содержательная статья, продолжающая традицию, которую мы обнаружили у Августина. Однако, отталкиваясь от неё, он переходит к пятой статье, посвященной вопросу о том, есть ли Бог истина. Есть ли Бог истина?

И там он развивает логическую сторону вопроса. Хорошо, давайте перейдем оттуда к благодати Божьей. Я хочу вернуться к воле Божьей позже, но к благодати Божьей, где мы хотим, о, я думаю, страницы 534, 535, в этой общей области.

Есть вопросы по поводу истины? Комментарии? Сущность и случайность — это то же самое, что эпистемическая истина? Да, сущность и случайность — это, по сути, метафизические понятия. То есть сущность — это сущностная природа вещи. Случайности — это вещи, которые не являются существенными для её природы, но которые с ней происходят.

У меня сложилось впечатление, что правду мы можем узнать только случайно. А, я понимаю, что вы имеете в виду. Да, да.

Иными словами, знание истины о чём-либо не является нашей сущностью. Это то, что с нами происходит. Именно так.

Да, всё верно. У нас есть способность к познанию. Но только случайно.

Да, но истинное знание на самом деле зависит от условий, которые делают его возможным. В этом смысле это скорее случайность, чем необходимость, возникающая сама собой. Верно.

Чтобы убедиться, что этот вопрос был задан, когда он говорит, что истина сначала находится в разуме Бога, а затем в сотворенных существах, он имеет в виду психологическую истину или нет? Нет, он говорит, что истина сначала находится в интеллекте. Теперь, я думаю, в этом контексте он говорит об истинах о природе и даже об истинных типах вещей в природе. Вы поймете.

Благодаря Богу, истина для всего сотворенного находится прежде всего в разуме Бога. Прежде всего в разуме. Вы можете сказать: да, но разве истинное бытие Бога, то, что Он истинный Бог, не предшествует истинам в разуме Бога? На что, я думаю, Фома Аквинский ответил бы: нет, и наоборот тоже.

Потому что быть Богом — значит быть всеведущим, всезнающим. Вот увидите. А если бы Бог не был всезнающим, не обладал истиной в разуме, он не был бы Богом.

Вы увидите, потому что это одно из трансцендентных качеств... Ладно. Да. Да.

Хорошо. Вы видите продолжение традиции, с которой мы работаем со времен древних греков? Традиция развивается, постепенно христианизируется в ранней церкви, у святого Августина, и далее, у Фомы Аквинского. Следите за развитием событий, потому что именно это христианское философское мировоззрение внезапно рухнет.

Когда появляется Уильям Оккам, всё, кажется, разваливается. Мы поговорим об этом в понедельник, возможно, в следующую среду. Боже мой.

Доброта. Это еще одно из трансцендентных качеств. Доброта Бога проявляется в Его провидении.

Иными словами, во всех благах, присущих Его творению. Всесущество есть благо. То есть, яблоко обладает своим собственным видом блага.

Собака хороша в том смысле, что собаки по своей природе — это нечто хорошее. Человек хорош в том смысле, что в людях есть некое качество, вписывающееся в общую взаимосвязанную доброту всего творения. В этом смысле он хорош.

Там, где есть зло, зло — это лишение добра. Лишение, если хотите. Поэтому, гнилое яблоко — это то, которое больше не соответствует своей сути.

На самом деле, если всё становится достаточно плохо, оно сгнивает и превращается в ничто. Где нет добра, там нет и бытия. Всё сущее в определённой степени является благом.

Видите ли, доброта проявляется в творении, на каждом уровне творения, во всех его аспектах. Даже в тех, которые ещё не разрушены, в той мере, в какой они ещё существуют, есть некоторое свидетельство Божьей благодати, проявляющейся в наделении бытия трансцендентными атрибутами в различной степени.

И вот отрывок о предопределении, 531, видите ли. Фома Аквинский рассматривает предопределение в связи с божественным провидением, которое позволяет происходить определенным вещам. Провидение — это благодать Бога, допускающая что-либо в благих целях.

Видите ли, на странице 534 вы найдете краткое изложение этой доброты в статье «Может ли Бог сделать лучше, чем Он делает?». Ответ таков: доброта чего угодно имеет двойную природу.

Человек принадлежит своей сущности; быть разумным принадлежит сущности человека. Что касается этого блага, Бог не может создать нечто лучше, чем оно само. Нельзя сделать человека лучше, чем человек создан быть добрым.

Видите ли, существует и другой вид добродетели. Доброта человека заключается в том, чтобы быть добродетельным, мудрым или знающим, если использовать другой пример.

Это не главное; это то, чего можно достичь, то, что можно реализовать. И в этом отношении Бог может улучшить то, что Он создал. Он может сделать вас добродетельным и мудрым.

Видите ли, речь идёт о благодати Божьей. Возможно, вам показалось, что эта общая тема перекликается с тем, что обсуждалось на конференции.

На самом деле, первая выступающая в субботу утром раскритиковала некоторые работы Тома Морриса, сделанные в Нотр-Даме. В своей работе о прославлении Бога в лучшем из всех возможных миров. Работа об Ансельме.

По сути, она соглашалась с этой позицией, которую принимали Ансельм и традиция, а следовательно, и Фома Аквинский. Бог создал мир, который является наилучшим из возможных миров, которые он мог создать. В соответствии с их сущностью.

Видите ли, в отличие от Морриса, который, отвергая эту традицию, говорит: «Нет, Бог мог бы создать нечто лучшее, чем то, что он создал». Так возник этот вопрос в ходе дискуссии.

Посмотрите на 534 и ответ на возражение 3 вверху страницы. Хотя нынешний порядок вещей ограничен тем, что существует сейчас, божественная сила и мудрость не ограничены таким образом. Следовательно, хотя никакой другой порядок не был бы подходящим и хорошим для того, что существует сейчас, Бог мог бы создать другие вещи и установить для них другой порядок.

Итак, это не единственный возможный мир. Бог мог бы создать и другие, совершенно разные миры, которые были бы не хуже. Но для этого конкретного мира это наилучший из возможных миров.

Хорошо? Теперь вы спрашиваете в связи с этим: а как насчет проблемы зла? И его ответ, как мы уже видели, заключался в том, что зло допускается ради большего блага. И это более подробно рассматривается на странице 535. Там, отвечая на вопрос, является ли Бог причиной зла, он пишет, что зло состоит в дефекте действия, вызванном дефектом действующего лица.

Но в Боге нет недостатка. Следовательно, зло, которое заключается в недостатке действия, вызванном недостатком действующего лица, не сводится к Богу как к своей причине. Нужно искать несовершенное действующее лицо.

И этот поиск дефектного агента, конечно же, является принятием аргумента Августина о свободе воли относительно существования зла. Из-за свободы воли дефектных агентов. Людей, падших ангелов и так далее.

Но с другой стороны, зло, заключающееся в порче некоторых вещей, сводится к Богу как к причине. И здесь он говорит о естественной порче вещей, подобно гниющим яблокам. И очевидно, что в середине этого абзаца становится ясно, что форма, которую Бог задумал в сотворенных вещах, — это благо порядка во Вселенной.

И если благо порядка во Вселенной требует, чтобы яблоки гнили, то гниющие яблоки в этом смысле — благо. В конце концов, где бы были яблоневые сады без гниющих яблок? То есть, не было бы семян яблок, чтобы сеять больше яблонь и давать больше яблок. Так что, гниющие яблоки — это же благо Вселенной? Благо всего сущего.

Таким образом, в случае природных зол он утверждает, что применим аргумент о высшем благе. Что касается морального зла, то применим аргумент о свободе воли. Но Бог допускает даже это ради высшего блага.